

УДК 94(5-191.2)

**ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЦАРСКОЙ «ОХРАНКИ» В ТУРКЕСТАНЕ
(ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

П.П. Литвинов

Рассматривается вопрос об организации в Туркестане филиального органа общеимперского политического сыска – «охранки», о сложностях этого мероприятия, так как регион подчинялся не Министерству внутренних дел, а Военному министерству.

Ключевые слова: Туркестан; царизм; Департамент полиции Министерства внутренних дел; «охранка»; революционные организации.

**ABOUT ESTABLISHMENT OF TSARIST «OKHRANKA» IN TURKESTAN
(ON THE BASIS OF ARCHIVE, JURIDICAL AND OTHER MATERIALS)**

P.P. Litvinov

The article deals with the issue of establishment of the Turkestan Branch of the Imperial Political Investigation Agency – «Okhranka», as well as complexities of that action, as the region was under control of the Military Ministry, but not the Ministry of Internal Affairs.

Key words: Turkestan; Tsarism; the Police Department under the Ministry of Internal Affairs; «Okhranka»; revolutionary organizations.

Проблема деятельности политического сыска в эпоху царизма превратилась в настоящее время в «модную» тему для пишущей публики. К сожалению, среди множества работ, ей посвященных, преобладают дилетантские, поверхностные журналистские, публицистические, в крайнем случае, научно-популярные издания. Подлинно научных исследований по этой теме весьма немного. Особенно мало исследований о деятельности царской «охранки» на так называемых «национальных окраинах» Российской империи, в т. ч. в Туркестане, ныне называемом Центральной Азией. Нам приходилось писать об этом в специальной монографии, вышедшей в свет в 2007 г. [1]. И в данной статье нам хотелось бы пролить свет на историю образования органов царской «охранки» в Туркестанском крае.

Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир (Иахим) писал негодующе о том, что «генерал фон Кауфман (первый туркестанский генерал-губернатор – П.П.) открыто заявлял: *Я не потерплю в Ташкенте ни архиерея, ни жандармов* (выделено нами – П.Л.)» [2]. Следует отметить, что «первоустроитель Русского Туркестана», как называли Кауфмана современники, действительно добился своего. Мы отмечали, что после образования

Туркестанской православной епархии [3] «Св. Синод пытался настаивать на том, чтобы «кафедра» епископа находилась все-таки в краевом центре, но Кауфман твердо стоял на своем, доказывая, что пребывание архиерея в Ташкенте «породит в туземных жителях различные предположения и недоразумения»» [4]. В конце концов, К.П. Кауфман добился поселения епископа Туркестанского и Ташкентского в г. Верном – «столице» Семиреченской области. В последующем туркестанские архиереи не раз будировали вопрос о перемещении «кафедры» в Ташкент, но не имели успеха на этом поприще вплоть до революционного 1917 г.

Так же обстояло дело и с учреждением «охранки» в Туркестанском крае. Несмотря на старания руководителей III отделения «Собственной Его Императорского Величества Канцелярии» (СЕИВК) учредить свой «филиал» в Ташкенте, при Кауфмане, они тоже не имели успеха. Смерть «первоустроителя» фактически совпала с ликвидацией III отделения СЕИВК и передачей функций имперского политического сыска в ведение МВД, которое тоже приложило немало стараний с тем, чтобы учредить «охранку» в Туркестане. Однако Военное министерство, которому подчинялись все российские территории в Средней Азии, четверть

века успешно противостояло таким поползновениям. Но, как говорят, всему прекрасному когда-то приходит конец.

Мы располагаем множеством материалов, свидетельствующих о том, что военная администрация царистского Туркестана не чуралась мер политического сыска, достаточно грамотно их осуществляла, и намерены в будущем писать об этом подробно. Политический сыск туркестанской военной администрации успешно выявлял и пресекал антигосударственные и антирусские акции панисламистов, пантюркистов, пантуранистов, ишанов и проч. Однако первая русская революция 1905–1907 гг. поставила ее в затруднительное положение. И дело было не в настроениях коренного мусульманского населения, на которого, по мнению советских историков, она якобы благотворно повлияла. Отнюдь. Так называемое “туземное” население Туркестана отнеслось к ней индифферентно. Хуже обстояло дело с “пришлым” христианским населением, особенно, с сосланными в регион самим же царизмом революционерами. Подняли головы националистически настроенные поляки, армяне, “европейские” евреи и др. Революционные настроения сумели проникнуть даже в части Туркестанского военного округа. Их нагнетали в крае эсеры, социал-демократы, анархисты, “дашнаки” и др.

Оказавшись в непривычной для себя ситуации туркестанская военная администрация, на наш взгляд, по-настоящему растерялась. Она почувствовала, что одна не сможет справиться с опасностью “революционной грозы” в крае. 11 октября 1905 г. исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант В.В. Сахаров обратился к министру внутренних дел А.Г. Булыгину с предложением помочь в “усилении” политического розыска в крае. Но Булыгин фактически к этому времени уже был уволен с должности, а пришедший ему на смену П.Н. Дурново не успел что-либо сделать, поскольку через пять месяцев после назначения был тоже уволен – как и Булыгин, он не смог погасить катящийся по стране “пожар” революции. В конце апреля 1906 г. министром внутренних дел и одновременно председателем Совета министров стал П.А. Столыпин, лукавый царедворец и временщик, непонятно почему столь возносимый сегодня. Ведь именно он своей переселенческой политикой привел к предельному обострению земельного вопроса в Туркестане, заложил “мину замедленного действия”, которая сработала в 1916 г., поставив царизм на грань закономерной экономической, военной, политической и нравственной катастрофы.

Безусловно, Столыпин имел всю полноту информации о положении в Туркестанском крае, на-

ходил его непростым и даже опасным, однако сам не предлагал помощи потому, что все это происходило на территории конкурирующего с МВД Военного министерства, а также по причине занятости подавлением революции во “внутренних” губерниях самой России. Но МВД все же оказало помощь военной администрации Туркестана, направив сюда чиновника Департамента полиции МВД, Отдельного Корпуса жандармов подполковника (надворного советника по классному гражданскому чинопроизводству) А.Л. Квицинского. Перед ним была поставлена задача – изучить все-сторонне положение в крае, извлечь из него надлежащие выводы и доложить их руководству МВД. Естественно, что Квицинский получил и задание по выявлению опасных революционных организаций в крае, особенно по деятельности краевого отделения Всероссийского железнодорожного союза и его вдохновителей – эсеров. Вместе с ним в Туркестан выехала группа опытных филёров – унтер-офицеров. Позже туркестанский генерал-губернатор Самсонов утверждал, что Квицинский больше сидел и “ковырялся” в бумажках, чем руководил обысками и облавами на революционеров. И тут он был в корне неправ. Генерал-кавалерист мыслил по-военному – надо было действовать решительно и атаковать противника. Квицинский же, как истинный профессионал политического сыска, работал, как и положено человеку его дела, незаметно, тихо, спокойно, без лишней спешки и суеты. Он подготовил два солидных отчета, сумев соединить в них обрывочные данные, представленные “военной” полицией, жандармско-полицейскими управлениями железных дорог и сведения, собранные его филёрами, и придать им недостающую логику. Словно художник-мозаист, изображающий картину из кусочков смальты, Квицинский сумел так осмыслить весь собранный материал, что его отчеты подобно зеркалу отразили всю тайную деятельность революционных “пропагаторов” и террористов из управляемого эсерами Туркестанского отделения Всероссийского железнодорожного союза, а также социал-демократических групп. Поскольку подрывная деятельность “Союза” зиждилась на контингенте рабочих и служащих Средне-Азиатской железной дороги, управление которой находилось в Асхабаде, то Квицинский преимущественно находился со своей “бригадой” в Закаспийской области, где ему помогали чины Жандармско-полицейского управления этой дороги. И в отчетах Квицинского также преимущественно речь идет об этой части Туркестанского края. Мы не станем говорить об их содержании – во-первых, здесь о них достаточно упомянуть (в связи с темой исследования), а во-вторых,

они нам еще самим пригодятся. Не скроем, однако, что, на основе собранных тихой сапой сведений Квицинский позже нанес сокрушительные удары по эсеровским центрам и группам Туркестанского отделения Всероссийского железнодорожного союза, вследствие чего почти все лидеры отделения “Союза” были выслежены и арестованы. Была разгромлена эсеровская подпольная типография в Асхабаде, в которой было обнаружено множество брошюр, листовок, прокламаций и т. п. Мы полагаем, что тут не нужна конкретика (ее много) – тут нужен больше сам факт такого успеха сыщика-профессионала и его сотоварищей. После закаспийских “погромов” эсеров Квицинский без труда выследил и арестовал большинство членов Туркестанского комитета РСДРП, заседавших в Ташкенте, а равно и много местных организаций, в том числе Самаркандскую и Пишпекскую (Семиреченская область). Факт таких успехов Квицинского признавали и историки КПСС [5]. Туркестанские военные просто дивились тому, как можно исподволь, незаметно подготовить такие мощные и эффективные удары по революционному противнику. Вместе с тем они выражали недовольство тем, что “приезжий”, представлявший вместе с соратниками чужое ведомство, естественно, не беспокоясь о том, какие результаты будет иметь его розыскная деятельность, нанес удары и по конкретным интересам края, оголив посредством арестов рабочих и служащих многие подразделения двух туркестанских железных дорог, заменить которых быстро было трудно, а проще – некем. К тому же подрывная деятельность революционеров в крае, несмотря на произведенные Квицинским и иже с ним аресты, продолжалась, хотя и явно в меньшей мере.

Поэтому 31 декабря 1906 г. исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант Е.И. Мациевский обратился в МВД с просьбой помочь средствами в борьбе с антиправительственными силами в крае. Следует отметить, что ни Сахаров, ни Мациевский при этом не ставили перед МВД вопроса об учреждении его органов в Туркестане. Столыпин, получив телеграмму Мациевского, понял, что пришло время наступать на военное министерство. В тот же день, 31 декабря 1906 г., он направил военному министру А.Ф. Редигеру письмо, в котором ставил вопрос о необходимости “учреждения в Туркестанском крае жандармского надзора”.

Нам приходилось писать в связи с этим, что “поскольку в то же самое время Столыпин усилил натиск на царя в вопросе о передаче Туркестанского края в ведение МВД, то военному министру нетрудно было понять, сколь далеко идущие в от-

ношении российских территорий в Средней Азии вынашивает его “коллега” по правительству. А.Ф. Редигер осознавал, что учреждением филиалов Департамента полиции МВД Столыпин хочет быстро создать в Туркестанском крае опорные пункты своего будущего владычества над ним” [6]. Действительно, Столыпин надеялся, наконец-то, после долгих лет бесполезных интриг добиться передачи Туркестанского края из подчинения Военному министерству в ведение МВД, которое управляло всеми остальными краями, губерниями и областями России (кроме Терской и Кубанской). Однако его затея сорвалась. 30 июля 1907 г., несмотря на иницированную Столыпиным “третьеиюньскую монархию”, царь отказал тому в его притязаниях на Туркестанский край, отложив решение вопроса на два года, а по сути, на туманное и непредсказуемое будущее [7]. Об этом сильнейшем ударе по позициям Столыпина, видимо, не знают те, кто так охотно славословит ныне в его адрес. Русские военные в очередной раз одержали победу над МВД – “монстром” царистской административно-полицейской системы. Однако, отстояв Туркестанский край, они, тем не менее, по-прежнему надеялись на помощь МВД в борьбе с ростом революционного движения в регионе в среде русскоязычного населения, долгое время считавшегося главной опорой царизма в его противостоянии с многомиллионным коренным мусульманским населением края.

Обращаться опять по этому поводу в Министерство внутренних дел пришлось новому туркестанскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову. Последний направил свои соображения по вопросу об организации в Туркестанском крае жандармского надзора военному министру Редигеру и министру внутренних дел Столыпину. Гродеков писал: “Включение Туркестанского края в район ведения соседних с краем жандармских управлений, по моему мнению, не достигло бы цели <...> Организация отдельных жандармских управлений в областях края, по типу губернских жандармских управлений, представляется, по моему мнению, слишком сложной и громоздкой, по сравнению с теми задачами, которые она должна преследовать” [8]. Что касается учреждения краевого жандармского управления, то, по мнению туркестанского генерал-губернатора, это было “сложным и дорогостоящим механизмом”. Гродеков предлагал учредить в регионе самостоятельный орган политического надзора, подчиненный местной военной администрации и включающий в свою деятельность соответствующие функции общей полиции края и жандармско-полицейских управлений двух туркестанских железных дорог. Любопытно, что, несмотря на критику действий Квицинского,

он предлагал направить в край для организации органов политического розыска именно его, указывая, что является вполне “возможным присвоить ему звание чиновника особых поручений при генерал-губернаторе по полицейской части (V класс должности) (статского советника – П.Л.) или же, как это установлено на Кавказе, звания Заведующего Особым отделом Канцелярии, в качестве помощника Управляющего моей Канцелярией по полицейской части” [8, л. 58 об.].

Таким образом, Гродеков выступал за учреждение органов политического сыска в Туркестанском крае, подчиненных не Министерству внутренних дел, а военному ведомству. При этом он предлагал выделить ему по смете Департамента полиции МВД 30 тыс руб., подчеркивая, что учреждение краевого жандармского управления обойдется дороже. Туркестанский генерал-губернатор прилагал и “Приблизительную смету расходов по организации розыскной части в Туркестанском крае” [1, с. 521–522]. Петербургская бюрократия в МВД и Военном министерстве приступила к обдумыванию предложений туркестанского генерал-губернатора. И, как обычно, она не форсировала ход их рассмотрения, ожидая, какой ход предпримет конкурирующее ведомство. Возможно, и сам Гродеков не стал бы форсировать течение событий. Однако к этому времени эсеровские террористы убили одного из видных администраторов края – начальника Средне-Азиатской железной дороги генерал-майора Ульянина. Получив телеграмму из Асхабада об этом, туркестанский генерал-губернатор направил срочные телеграммы военному министру и министру внутренних дел об обострении ситуации в крае и просил ускорить достижение взаимной договоренности о направлении в Туркестанский край новой бригады профессионалов политического сыска МВД.

По распоряжению военного министра Азиатский отдел (так стала называться бывшая Азиатская часть) Главного штаба подготовил докладную записку “Об организации политического надзора в Туркестанском крае”. Изложив позицию туркестанского генерал-губернатора, он рекомендовал военному министру приступить к консультациям с МВД по данному вопросу. Редигер прислушался к мнению своих специалистов. Первым результатом этих консультаций было то, что МВД направило в Туркестанский край новую бригаду специалистов политического сыска, но во главе не с Квицинским, а подполковником Отдельного Корпуса жандармов А.Т. Васильевым в сопровождении двух ротмистров и нескольких многоопытных филёров. Команда Васильева прибыла в Ташкент и устроилась в Канцелярии туркестанского генерал-

губернатора со статусом “Особого отдела” при ней. Любопытно, что изучив обстановку на месте, Васильев доложил в Департамент полиции МВД, что организация политического розыска в Туркестанском крае давно назрела, но он должен быть поставлен “в распоряжение генерал-губернатора” [9].

6 октября 1907 г. Гродеков обратился с новым письмом к военному министру Редигеру и министру внутренних дел Столыпину, в котором признавал работу прибывшей бригады из МВД “бессистемной и отрывочной”, которая “не может дать серьезных результатов”. Он крайне негативно расценил деятельность железнодорожной жандармерии, и в итоге настаивал на подчинении политического сыска в Туркестанском крае в виде “особого отдела” Васильева при краевой Канцелярии и органов, затеваемых им для учреждения, только военной администрации края [10]. Гродеков полагал, что после того, как царским указом от 30 июля 1907 г. передача края в ведение МВД была отсрочена фактически на неопределенный период (несмотря на установленный в нем двухлетний срок), можно было занять более наступательные позиции по отношению к полицейскому министерству, пытающемуся навязать Туркестанскому краю подчиненные ему органы политического розыска. Но “наверху” были иные мнения. После третьей революции (1907 г.) “государственного переворота” Россия вступила в полосу оголтелой и махровой реакции, возглавляемой министром внутренних дел и “премьером” Столыпиным. Последний дал указание заняться вопросом об учреждении органов политического сыска МВД в Туркестанском крае своему “товарищу” (заместителю), директору Департамента полиции МВД, действительному статскому советнику А.А. Макарову. Ознакомившись с письмом Гродекова от 6 октября 1907 г., Макаров 14 октября обратился к исполнявшему должность военного министра генералу А.А. Поливанову с предложением “создать в Ташкенте постоянный центральный розыскной орган для всего Туркестанского края, который состоял бы в распоряжении местного генерал-губернатора и осуществлял политический розыск под непосредственным главным руководством Департамента полиции” [6, с. 126]. При этом Макаров присовокуплял, что такое решение давно назревшего вопроса послужит взаимному удовлетворению обоих ведомств, так как “Департамент полиции желает всеми средствами прийти на помощь местным властям в борьбе с революционным движением”. Поливанов передал письмо Гродекова от 6 октября 1907 г. и отношение Макарова от 14 октября 1907 г. в Азиатский отдел Главного штаба для подготовки соответствующей докладной записки. Одновременно ко-

пия письма Макарова была направлена туркестанскому генерал-губернатору Гродекову “для ознакомления” и представления своих соображений по искомому вопросу.

2 ноября 1907 г., не дождавшись ответа от Гродекова, Азиатский отдел составил докладную записку на основании его первого обращения – “По поводу письма туркестанского генерал-губернатора о поддержании его ходатайства по делу об организации политического надзора в Туркестанском крае”. В документе он приходил к “мнению” (так обычно называлось заключение или выводы) о том, чтобы принять содержание письма Гродекова от 6 октября 1907 г. “в соображение”, но затребовать от него специальные дополнительные суждения по данному вопросу.

Туркестанский генерал-губернатор долго их не высказывал, в связи с чем начальник Азиатского отдела Главного штаба полковник Цейль 14 февраля 1908 г. телеграфировал Гродекову, предлагая ему ускорить решение вопроса. 16 февраля того же года главный начальник Туркестанского края направил военному министру рапорт, в котором указывал, что присланные во вверенный ему край Министерством внутренних дел чины Департамента полиции представляют собой лишь “разведочный орган”, который не сможет заменить общую полицию и железнодорожную жандармерию в деле политического розыска. Поэтому Гродеков предлагал “учредить Туркестанское жандармское учреждение по типу губернских жандармских управлений”, в которое, по причине отсутствия в казне достаточных средств, можно преобразовать одно из железнодорожных жандармско-полицейских управлений края. Генерал-губернатор указывал, что штаб-квартиру Туркестанского жандармского управления лучше всего разместить в Ташкенте и дополнить его штат двумя должностями помощников начальника Туркестанского жандармского управления, пятью обер-офицерами (по числу областей края), а также одним вахмистром и десятью унтер-офицерами. Гродеков предлагал назначить содержание чинам Туркестанского жандармского управления в размере, которое выделяется в год Тифлисскому таковому [1, с. 521].

Таким образом, туркестанский генерал-губернатор проявлял похвальную скромность требований, приравнивая “среднеимперское” губернское жандармское управление (с территорией во много раз меньшей, чем ареал туркестанского генерал-губернаторства) к краевому, призванному обеспечивать политический розыск в 5 областях, суммарный территориальный размер которых превышал в несколько раз даже Русский Кавказ. Но скромность требований Гродекова была понятна:

при всей сложности революционного напряжения в Русском Туркестане, оно все же было гораздо меньшим, чем таковое в Черноморско-Каспийском регионе. Естественно, что в своем рапорте Гродеков допускал лишь один вариант решения вопроса – подчинение Туркестанского жандармского управления военным властям края.

7 марта 1908 г. Азиатский отдел Главного штаба подготовил новую докладную записку по вопросу “Об организации политического надзора в Туркестане”, в которой рекомендовал, учитывая неопределенность позиции Гродекова, предлагавшего 6 октября 1907 г. одно, а 16 февраля 1908 г. – нечто противоположное, а также то, что эта позиция не рассматривалась в Совете туркестанского генерал-губернатора, сообщить министру внутренних дел, чтобы учрежденное им “представительство” в Средней Азии “продолжало намеченную организацию созданием подчиненных розыскных органов в виде ли жандармских управлений или небольших наблюдательных пунктов, в зависимости от тех средств, которые могут быть ассигнованы на этот предмет” [11].

Исполнявший должность военного министра Поливанов последовал рекомендации Азиатского отдела Главного штаба и распорядился уведомить Гродекова о том, что Военное министерство “замораживает” положение, сложившееся на 2 ноября 1907 г., при котором в крае образуются органы Департамента полиции МВД в лице Туркестанского районного охранного отделения, а также розыскных пунктов, подлежащих учреждению в будущем. 9 марта 1908 г. Главный штаб исполнил распоряжение “зиц”-министра.

Но 65-летнему Гродекову, в это время покидавшему должность, было уже все равно, как и о чем договорились между собой МВД и его “родное” министерство. 12 марта 1908 г. в рапорте военному министру он посоветовал тому непременно попросить МВД направить в Туркестанский край 5 жандармских офицеров – по числу областей в нем. После этого Гродеков передал дела “исполняющему должность” главного начальника края генерал-лейтенанту Кондратовичу и покинул “ристалище” обсуждаемого вопроса.

26 марта 1908 г. военный министр направил письмо министру внутренних дел статс-секретарю Столыпину, в котором просил того направить в Туркестанский край 5 офицеров Отдельного Корпуса жандармов, которые могли бы возглавить политический розыск в каждой из областей региона. Но глава МВД и “премьер” оказался прижимистым и скупым. 3 мая 1908 г. “товарищ” министра внутренних дел, командир Отдельного Корпуса жандармов генерал-майор В.Ф. Джунковский пи-

сал военному министру А.Ф. Редигеру о том, что Столыпин распорядился направить в Туркестан только трех жандармских офицеров – ротмистра Миклашеского и штаб-ротмистров Воронича и Коробчакова. При этом он ссылаясь на отсутствие у МВД средств для того, чтобы выполнить все требования туркестанской военной администрации в полном объеме [11, с. 521]. 12 мая 1908 г. Главный штаб сообщил об этом исполняющему должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанту Кондратовичу, который воспринял все это как свершившийся факт, не требующий никаких дополнительных разъяснений.

Таким образом, Военное министерство вынуждено было уступить МВД в решении вопроса о том, кому будут подчиняться органы политического надзора и розыска в Туркестанском крае. Подобно всем прочим жандармским управлениям Российской империи они находились в ведении Департамента полиции МВД (его Особого отдела), однако при этом они находились в значительной зависимости от военной администрации Туркестанского края, поскольку должны были учитывать специфику “военно-административного” управления им, а равно и все иные особенности среднеазиатской действительности.

Для того чтобы ускорить процесс образования органов Департамента полиции МВД в Туркестанском крае, на месте “приспособить” их к существующей в нем административной системе, найти для этих органов подобающую “нишу” в ней, по личному распоряжению самого министра внутренних дел Столыпина в Среднюю Азию был направлен “бывалый туркестанец” Квицинский, который и возглавил Туркестанское районное охранное отделение, занявшись подготовкой к образованию розыскных пунктов в городах Верный и Асхабад. Об этом мы постараемся написать в специальном отдельном исследовании, которое также предложим для публикации в “Вестнике Кыргызско-Российского Славянского университета”.

Здесь хотелось бы отметить лишь то, что первая серьезная инспекция деятельности образованных МВД органов Департамента полиции в Туркестанском крае состоялась осенью 1909 г., когда Столыпин направил туда заведующего Особым отделом Департамента полиции МВД, Отдельного Корпуса жандармов полковника Е.К. Климовича. Туркестанская военная администрация встретила главного “особиста” МВД прохладно, однако ни в чем не препятствовала его работе, иногда, по просьбе последнего, оказывая ему необходимую помощь. К этому времени она смирилась со всем происшедшим в деле организации политического сыска в Туркестане по общегосударственному образцу.

На основании вышеизложенного есть все основания прийти к выводу о том, что военная администрация царистского Туркестана долгое время обходилась без организованного по общеимперским стандартам политического сыска, что отнюдь не мешало ей исполнять его функции как по отношению к коренному, так и “пришлому” населению. Однако рост революционно-освободительного движения в России начала XX в. не мог не дестонировать и на доселе благополучный Туркестан. Военная администрация региона была озабочена не умонастроениями коренного мусульманского населения, чуждого идеям российского “революционаризма”, а их распространением среди русскоязычных жителей края, преимущественно ссыльных интеллигентов и рабочих.

Не обладая опытом борьбы с такого рода идеями, особенно их реализацией в виде террористических актов, военные власти обратились за помощью к многоопытному в таких делах МВД, особенно его Департаменту полиции. В результате длительных обсуждений и согласований в Туркестанском крае был учрежден орган политического сыска общеимперского образца – “охранка”. Таким образом, последнее десятилетие своего существования царистский Туркестан жил в условиях бдительного надзора с ее стороны. Однако это не спасло прогнивший, ненавистный царистский режим от позорного и полного краха как по всей стране, так и в Туркестане.

Литература

1. *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе “военно-административного” управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам) / П.П. Литвинов. Елец: изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007.
2. Владимир, Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков Патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия / Владимир, Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. М., 2002. С. 191.
3. См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета, объявленное Сенату Святейшим Синодом. О штатах Епархиального управления в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 4 мая 1871 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 46. Отд. 1. 1871 г. СПб., 1874. С. 433.
4. *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.) / П.П. Литвинов. Елец, 1996. С. 9.
5. См.: История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967. С. 93, 115.
6. *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в Русском Туркестане (1907–1917 гг.) / П.П. Литвинов // Межвузовские научно-мето-

- дические чтения памяти К.Ф. Калайдовича: сб. мат-лов. Вып. 4. Елец: ЕГУ, 2001. С. 124.
7. См.: Высочайше утвержденное Положение Совета министров. О составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства внутренних дел. 30 июля 1907 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 27. Отд. 1. 1907 г. СПб., 1910. № 29439. С. 476–477.
 8. РГВИА. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 5058. Об учреждении политического надзора в Туркестанском крае (переписка). Л. 57.
 9. РГВИА. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 3645. Об организации сыскной части в Туркестанском крае. Л. 26.
 10. См.: Революция 1905–1907 гг. в Узбекистане: Документы и материалы. Ташкент, 1984. С. 297–300.
 11. РГВИА. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 5058. Л. 92. Об. 93.